

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

Выбор



Александра Плен Выбор

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37426403
ISBN 9780359036257*

Аннотация

Если сетуешь на свой мир, то будь готова к тому, что попадешь в другой. Где все идеально и гармонично. Где нет предательств и измен, где не приходится думать о выборе работы, места жительства, а любимый человек один на всю жизнь. Счастье и благоденствие до гробовой доски? Как бы не так!

Содержание

Я выбралась	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александра Плен

Выбор

Лес был прекрасен. Он очаровывал, шелестел листвой, шептал: «Прогуляйся, отдохни от городской суеты, наслаждайся тишиной, щебетанием птиц, первозданной прохладой». Я, наверное, смогла бы в полной мере прочувствовать его красоту, если бы оказалась в другое время и в другом месте.

– А еще лучше смотрела по телевизору, любуясь им с дивана, – буркнула себе под нос.

Раскидистые невысокие деревья с пышной кроной (непонятный, правда, вид, но, возможно, я биологию неважно в школе учила). Густой сочный ковер из травы покрывал землю. На изредка встречающихся полянках цвели яркие душистые цветы.

Не было видно ни упавших стволов, ни ломанных веток, ни мусора, обычного, в Подмосковье, недалеко от трассы... Деревья не мешали друг другу, словно лес садили, как парк – ровненько, под линейку. Древесина была теплая, приятная на ощупь (в этом я смогла уже убедиться не раз, так как прислонялась к стволам регулярно). Да, лес был прекрасен, но сейчас, сию минуту я его ненавидела.

«Дура! Идиотка! Глупая курица!» – я костерила себя последними словами и не могла остановиться.

Так вляпаться! Заблудиться в лесочке, в пятидесяти ки-

лометрах от Москвы!

«Ты бы еще в сквере, возле своего дома заблудилась!» – злобно подумала и сильно шлепнула ладонью по стволу дерева. Оно, конечно, было не виновато в моей тупости, но свое дело сделало. Стало больно...

Я села на живописный пенек возле... то ли ясеня, то ли липы и разминала сведенные от усталости ступни. После четырех часов блуждания по лесу ни сил, ни энергии уже не оставалось. А сначала даже мысленно пошутила – будет, что друзьям рассказать.

Я ни на секунду не допускала, что смогу потеряться. Через полчаса заволновалась, через час встревожилась, а сейчас потихоньку стала впадать в отчаянье. Вечерело, а нашего кемпинга до сих пор не нашла... Я попыталась хоть что-то вспомнить из школы. Пришел в голову мох (если память не изменяет, то он рос на северной стороне), присмотрелась – никакого мха не было и в помине. Подняла глаза и попыталась свериться по заходящему солнцу, где запад, где восток. Выбрала направление, тяжело вздохнув, встала и поплелась на запад.

А все из-за чего? На выходных друзья собрались в лес по грибы (точнее попить пива и поесть шашлыков) и пригласили меня, известную домоседку, с собой. Развеемся...

– Уля, поехали, – уговаривала меня Женька по телефону, – природа, солнышко, птички... Красота!

Я попыталась отмахнуться.

– Мне нужно резюме составить, Жень, – ответила я, – пора начинать искать работу. Написать свои сильные и слабые стороны, и все такое прочее...

– Да знаешь ты свои сильные стороны, Уля, – хихикнула Женька, – они у тебя на лбу написаны. Да мы и ненадолго. В три-четыре привезем тебя обратно.

Все подруги считали своей святой обязанностью меня развлечь и куда-нибудь вытащить, особенно в последнее время. Взяли на поруки. А все потому, что недавно, а если точно, то четырнадцать с половиной дней назад, я рассталась с Пашкой. И это перед самой нашей свадьбой.

Сказать, что моя жизнь обрушилась в одну секунду, – ничего не сказать. Распланировано было все. Куплены платье и украшения. Разосланы приглашения родным и друзьям. Заказан ресторан и согласовано меню. Сколько денег было потрачено – не описать словами. Родители до сих пор со мной не разговаривают (даже после того, как я рассказала им причину). Глубокая жгучая обида навеки поселилась в сердце, еще раз напоминая, что я никто и ничто в семье.

Мне всю жизнь казалось, что мама и папа родили меня для того, чтобы потренироваться перед настоящим грандиозным событием – рождением Валерии, моей младшей сестры. Она получилась просто идеальной, не то, что я. Валерия была самой красивой, умной и обаятельной на свете. Она умела петь и танцевать (то есть закончила музыкальную и художественную школы). Не то, что я – ни слуха, ни голоса.

У нее был безукоризненный вкус, врожденная элегантность и бездна талантов. Я же не могла выбрать себе даже приличную блузку, а первую помаду купила только в двадцать лет. Свободное время Лера проводила, посещая выставки и музеи, литературные вечера и читальни. Я лучшим времяпрепровождением считала – залезть с ногами на диван, обложиться орешками и чипсами и уткнуться в книгу часиков этак на пять. У сестры были прекрасные белокурые волосы, у меня – неопрятная копна грязно-русого цвета. То ли рыжие, то ли каштановые – не разберешь.

Нет, не думайте, ко мне прекрасно относились. У меня было все, что нужно – книги, игрушки, техника. Я не голодала, закончила престижную школу, поступила в институт. У меня были ноут и айфон, отдельная комната и карманные деньги. И последнее – я была достаточно привлекательной, чтобы на меня обращали внимание парни и приглашали на свидания. У меня были правильные черты лица, стройная фигурка и густые длинные волосы. Но... Стоило моей сестре оказаться вблизи меня, все мужские взгляды тут же концентрировались только на ней.

Что бы я не делала, сколько бы пятерок не получала в школе, какие олимпиады не выигрывала – Валерия делала это лучше, быстрее и изящнее.

«Что за пальто ты купила! У тебя совершенно нет вкуса, Ульяна. В следующий раз иди в торговый центр с Лерочкой, она поможет тебе».

«Почему ты до сих пор сидишь за компьютером? Лера пригласила нас на литературный вечер на Таганской». Я вздыхала и шла одеваться.

«Сегодня вечером придет Русланчик, оторвись ты от книжки и переоденься, наконец».

Приходили Русланчики, Сашеньки, Олеженьки... Мама готовила фирменный торт и салаты. Папа вытаскивал альбомы и Лерочкины грамоты, чтобы все в очередной раз восхитились ее уникальными способностями и умом. Но боюсь, Русланчикам до ума сестры дела было никакого – ее красота затмевала все. Юноши толпами бегали за ней, дарили цветы, билеты в Большой и Ленком. С каждым у нее была любовь до гроба и возвышенные отношения.

Профессию моя дорогая сестренка выбрала такую же красивую, как и сама – дизайнер. Звучит благородно и элегантно. Родители на всеобщем совете долго выбирали, куда отдать дорогое дитяtko. А я... После окончания школы никто у меня даже не поинтересовался, куда я хочу поступать. Помыкавшись, я залезла в интернет и выбрала самую обычную ординарную специальность – бухгалтерский учет и аудит.

Я жила, как соседка по квартире. Приходила вечером, уходила утром. Иногда подрабатывала – заполняла отчеты небольшим фирмочкам, сдавала налоговые декларации. Я хотела стать самостоятельной и не зависеть от родителей в материальном плане. Но тут случилась ЛЮБОВЬ.

Павел был продвинутым айтишником, учился на послед-

нем курсе в нашем институте и уже зарабатывал неплохие деньги, продавая ПО и разработки ERP-комплексов. Не знаю, почему он выбрал меня. Серую мышку, которая так и не научилась толком краситься и элегантно одеваться. Туго стянутый хвост на затылке, коричневый рюкзак, джинсы, высокие ботинки – мой ежедневный прикид. Как и чем я смогла заинтересовать лучшего перспективного студента института – сама удивляюсь. Но это случилось. Мы стали неразлучны. Родители впервые на моей памяти вытащили мои грамоты и медали, когда Павел пришел к ним знакомиться.

– Мы поженимся, как только ты получишь диплом, – решительно заявил он, оставалось только согласиться.

Я впервые влюбилась. Сильно, страстно, до умопомрачения. Пашка стал для меня всем. Моим миром, моей вселенной, музой и первым мужчиной. Я, не задумываясь, переселилась в его однушку, родители не сказали ни слова против. Мне вдруг понравилось обустраивать быт, готовить и гладить рубашки. Я впервые почувствовала себя важной и нужной. Любимой, единственной. Без постоянного сравнения с идеальным образом сестры, без шпилек и колкостей. Это было прекрасно. Мы оба были технарями, оба могли часами сидеть за компом, не обращая внимания ни на что. Правда, мне приходилось периодически готовить и убирать, но это была небольшая плата за возможность целовать и обнимать любимого ночью.

Я получила диплом, на следующий день Пашка потащил

меня в ЗАГС подавать заявление. Я летала, как на крыльях. Родители приняли живейшее участие в организации торжества, даже Лера подключилась, фыркнув, что без ее дизайнерского мастерства на свадьбе будет уныло и грустно.

Впервые я была на первом месте в семье. Впервые никто не игнорировал мои просьбы. Иногда меня посещала мысль, что родители так обрадовались моей свадьбе потому, что им представилась возможность потренироваться на мне опять. Чтобы потом, на Лерочкином торжестве исправить все ошибки и недочеты. Но, возможно, я была неправа и слишком закопалась в самоедстве и зависти.

За месяц до свадьбы я переселилась в наш загородный дом в Подольске. Его нужно было привести в порядок для дальних родственников, которые должны вскоре приехать.

До свадьбы оставалось пару недель, когда я застала Пашку и Леру страстно целующимися в гараже. Сначала просто не поверила глазам, стояла и часто моргала, пытаясь обрести четкость в полумраке полуподвального помещения. Но когда его губы таким знакомым движением переместились на шею и ниже, поняла, что мне это не кажется. Я развернулась и тихонько вышла вон. Наверное, струсилa. Наверное, нужно было вцепиться им в волосы, закатить истерику, грязно выругаться или еще что-то. Но тогда я просто была не уверена в способностях держать себя в руках.

После этого события некоторое время я пребывала в шоке. День просидела в своей комнате перед компьютером, ту-

по пялся в экран. В голове не укладывалось произошедшее.

– Ульяна, идем ужинать, – вечером в комнату заглянула мама.

– Не хочу, – ответила, не оборачиваясь, – ешьте без меня.

– Ты не простудилась? Что-то мне твой голос не нравится, хриплый какой-то.

– Все в порядке, – бросила я, принявшись усиленно стучать по клавишам, делая вид, что сильно занята.

– Обычный предсвадебный мандраж, – раздался в коридоре голос сестренки, – ничего страшного.

Оказывается, она пряталась за спиной у мамы. Я ничего не ответила, боялась, что сейчас расплачусь.

Дверь закрылась, и меня оставили в покое.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла воспаленные глаза. Жизнь была кончена. Самое обидное, что Лере Пашка был и даром не нужен. Она не любила технарей, а о моем женихе всегда отзывалась с презрением и насмешкой.

«Зачем?» – мысленно вопрошала я и не находила ответа.

Следующие дни я ходила по дому, как сомнамбула, ни с кем не разговаривая, ни о чем не думая. Мозги превратились в кисель. Потом я все-таки немного пришла в себя и нашла в себе силы съездить в ЗАГС и отменить свадьбу. Родителям рассказала правду, но они не поверили. «Лерочка не могла такого сделать, – категорично заявила мама, – тебе показалось».

Я не стала спорить. Бессмысленно и бесполезно.

Лера уехала в Москву, сказала, что на конкурс дизайнеров. Но я-то знала, что она просто сбежала, как делала всегда, когда чувствовала себя виноватой.

Пашка же жутко разозлился.

Он меня потом долго убеждал, что это было помутнение. Причем, у меня в голове. Что они знакомились. Он целовал Валерию, как сестру, «а что тебе привиделось – твои проблемы». Что только я – любовь всей его жизни... И много еще всего разного. Переходил с темы страдальца на агрессора и наоборот. Я только молча сидела и слушала его крики. Лучшая защита – нападение. И этой защитой мой бывший жених пользовался изо всех сил.

Я ничего не понимала. Не хотела анализировать и размышлять – зачем это было сделано? Мозг по-прежнему пребывал в сильнейшем эмоциональном шоке, фильтруя слова, не давая вдумываться в их смысл. В итоге, он махнул на меня рукой и уехал к себе, напоследок сказав, что я дура, из-за такой ерунды отменять свадьбу. Что я еще пожалею и все в таком роде. Родители уехали тоже, обвинив меня в зря потраченных деньгах и своих расстроенных нервах.

Я в очередной раз осталась одна.

Что за мысли бродили тогда в моей голове? Не помню. Что-то делала, о чем-то думала, что-то ела, куда-то ходила. Иногда приходила в себя, стоя на остановке возле Симферопольского шоссе, иногда глубокой ночью за включенным компом, иногда с трубкой в руке, почти набрав домашний

номер Пашки.

Потом начались звонки. Все подружки и знакомые решили свести меня с ума. Только Женьке я рассказала правду. Мы дружили еще со школы. Именно она (а не мама) научила меня подкрашивать ресницы и губы. Именно ей иногда удавалось вытаскивать меня из раковины на свет божий – то в кино, то в клуб.

Именно с ней, спустя две недели затворничества, в день своей несостоявшейся свадьбы, я и согласилась выехать на шашлыки. Отметить, так сказать.

Я редко баловала своих друзей вниманием, предпочитая отсиживаться дома за компьютером. «Вот бы и отсиживалась дальше! – пронеслось в голове. – Нет же, захотелось «природы»...

* * *

А сначала все было чудесно. Кое-как склеив разбитое сердце, я нацепила на лицо доброжелательную улыбку и решила не портить друзьям настроение. Субботнее сентябрьское утро, птички, свежий воздух, солнышко. Нас было пятеро. Две парочки и я – одинокий хвостик. Заехали подальше в область, выбрали лесок. Разбили кемпинг – беседка, столик, стулья. Мальчишки поставили мангал, завозились с шашлыками, мы с девчонками открыли бутылку вина, сели в сторонке и начали перемывать косточки. Слово за слово,

разговор перешел на Пашку. Чем больше они меня жалели, тем хуже мне становилось. Слезы стремительно и неумолимо подступали к глазам. Я хотела крикнуть «Хватит! Хватит твердить, какой он мерзавец и подлец! Он не такой, он хороший», но горло перехватило, горячий пульсирующий комок не давал выдавить ни звука. Я расстроено махнула рукой в чашу, сделав вид, что хочу в туалет и пошла прочь. На самом деле жутко, просто непреодолимо, хотела выплакаться...

Мне крикнули: «Только ненадолго, шашлыки скоро будут готовы»... Я не оборачиваясь, кивнула.

Отошла подальше в лес (думала не на много, может, метров двести-триста), прислонилась к дереву и разрыдалась. Как ни прискорбно осознавать, но я его любила. Сильно, со всем пылом первого чувства. И до сих пор люблю... Увы. Невозможно разлюбить за две недели, даже несмотря на то, что разочаровалась в любимом человеке. Любовь тяжело покидала мое сердце, цеплялась, как репей, и не хотела отпускать... «Что может сравниться с предательством?» – грустно думала я и не находила ответа.

Паша мне кричал: «Ты видишь только белое и черное, ты не прощаешь ошибок, ты упряма и слишком горда»... Он кричал, что нужно уметь прощать, нужно быть мягче, женственней, добрее. Возможно, он прав. Я так и не научилась в своей короткой жизни компромиссам.

Я горько плакала, сетовала на несправедливость. «Как жесток этот мир», – шептала я. «Почему в нем происходят из-

мены?» «Как хорошо было бы жить в мире, где любовь вечна и любимые не предают». Жизнь, казалось, кончена. Голова раскалывалась на мелкие острые кусочки, пульсировала болью, в ушах стоял гул, я ничего не видела и не слышала вокруг.

Когда плакать сил больше не осталось, в голову пришла мысль: «Девчонки будут меня искать, нужно идти назад». И поплелась в обратном направлении. Слезы по-прежнему застилали глаза, видела я плоховато, может, поэтому оступилась и свалилась то ли в овраг, то ли в яму. Проехалась по спине, больно ударилась пятой точкой и оцарапала руку. На миг я, наверное, потеряла сознание, так как в голове помутилось, а глаза заволокло чернотой. Когда через мгновение пришла в себя, то обнаружила, что сижу на теплой рыхлой земле, на дне ямы, жутко болит подвернутая нога, шорты порвались, светлая футболка превратилась в грязную пыльную тряпку, в волосы набилась земля, листья и мелкие ветки. «Ну вот, допрыгалась, – мелькнула мысль, – осталось только ногу сломать, и эта поездка надолго останется в памяти».

Поплакала еще немного... Теперь уже по другому поводу. Позвала на помощь. Но то ли я была далеко от кемпинга, то ли тихо кричала – ни через десять минут, ни через пятнадцать никто не явился на помощь. Пришлось выбирать самой. Яма была неглубокая, метра два глубиной. Я цеплялась за выступающие корни растений, впиваясь ногтями в рыхлую мягкую землю, и все-таки выбралась наверх. Стемнело.

«Уже так поздно?» – я посмотрела на часы. Час дня. То есть отсутствовала я не больше двух часов. Странно... И никто меня не ищет. Я даже немного обиделась на друзей. Грязная, оцарапанная, с большим синяком на бедре и распухшим от слез лицом, я, наверное, представляла пугающее зрелище.

«Славная поездочка», – вздохнула и пошла по направлению к кемпингу...

И вот иду уже четвертый час, а друзей не видать... А что самое странное – телефон отказывается ловить сеть, так что я даже не могу позвонить.

Окончательно стемнело. Я давно начала замечать, что деревья, да и по правде, все растения в лесу какие-то странные. И только в темноте ясно определила эту странность. Стволы, листья и даже трава – светились. Мягким, рассеянным светом, и что самое непонятное – они излучали тепло. Когда я в очередной раз прислонилась в изнеможении к дереву, то тут же отпрянула в страхе – кора была горячей. Не обжигающей, но ощутимо теплой. Сначала я подумала, что у меня жар: поднялась температура, и я брежу. Это было правдоподобным объяснением всего того, что я видела вокруг... Так как по другому не могла ничего понять и придумать... Лес был удивительным, необычным, не похожим ни на что ранее виденное мной. Ни в России, ни за рубежом, ни по телевизору, ни по интернету.

«Все, Ульяна, – сказала я себе, – приплыли. Ты получила заражение крови от царапины в яме. У тебя бред. Ты

умрешь, бесконечно блуждая по лесу, и никогда не увидишь маму и папу». Впервые стало по-настоящему страшно... До жути, до паники... Слезы опять потекли из глаз... Я начала припоминать разные ужасы, прочитанные в интернете... Только за последний год в России пропало без вести несколько десятков тысяч человек, а во всем мире? Неужели вот так закончится моя недолгая жизнь?...

Я чувствовала себя разбитой, уставшей, отчаявшейся и голодной. Но ночью куда-то идти было чистым безумием. Прислонилась спиной к горячему толстому стволу дерева, откинула голову и затихла, впитывая кожей приятное тепло. Посмотрела вверх. Небо было угольно черным, незнакомые созвездия насмешливо подмигивали мне с высоты. Я попала в нереальную сказку. Меня окружали светящиеся ветки деревьев, причудливые замысловатые узоры, словно вышитые тонкой блестящей нитью, украшали листья, яркие искорки вспыхивали в траве... «Какой интересный бред», – устало подумала я и закрыла глаза...

* * *

Проснулась на рассвете от щебета птиц. Мой «бред» никуда не делся. Я по-прежнему находилась в заколдованном лесу. Только ствол уже почти остыл, листья не светились... Я заметила в кроне деревьев разбудившую меня птаху. Она сидела прямо передо мной и радостно щебетала, приветствуя

утро... Непонимающе уставилась на оперение... Даже я, далекая от ботаники и биологии, жительница мегаполиса, не могла не вспомнить, что длиннохвостые какаду (а эта птица была почти копией яркого попугая) не обитают в нашем континентальном климате... Тут меня кольнула тревога уже по другому поводу. Потрогала лоб – температура была нормальной. Царапина затянулась и почти не болела (зря я впаала в панику вчера). Значит, я в твердом сознании и бреда у меня нет. Еще раз внимательно присмотрелась к растениям.

«Мамочки!» – всхлипнула я протяжно. Куда я попала??? Это не Московская область. И боюсь, даже не Россия... «Не буду об этом думать сейчас», – решила я, быстро затолкав предыдущую мысль в дальний уголок головы.

Голод и жажда все больше и больше давали о себе знать. Я поднялась на измученные ноги и побрела, куда глаза глядят, выбрав направление на север. Вскоре пошел небольшой теплый дождь. Я ртом ловила капли, потом додумалась сорвать большой лист и пить с него. «В кого я превратилась?» – горестно подумала, опустив глаза вниз. Выглядела я ужасно. Шорты давно превратились в тряпку, изорванная, грязная футболка потеряла свой первоначальный розовый цвет и сейчас, наверное, ее бы не одел и бомж на свалке. Кроссовки еще держались, но промокли насквозь. «Если выберусь, – мысленно поклялась я себе, – из Москвы ни ногой. От природы меня отвернуло навеки». О Паше я уже не вспоминала... Правду говорили философы – высокие чувства от-

ступают на второй план, когда вперед выходит выживание и примитивный голод.

Я совершенно оступела от усталости, голода и отчаяния. И когда заметила двух странноватого вида мужчин среди деревьев, пару секунд только стояла и непонимающе хлопала глазами.

– Ола? – один из них развел руки, словно собирался обнять.

Другой стоял и ухмылялся... В странной кривоватой улыбке мне почудился извечный мужской интерес к женщине. Я вздрогнула. Для полного счастья мне не хватало только быть изнасилованной какими-то иностранцами с жуткими рожами... Я резко развернулась и рванула в противоположную сторону. Откуда только силы взялись. Я слышала неразборчивые крики сзади, похоже, мужчины бежали за мной. Я, не глядя, неслась по лесу, огибая кусты и уворачиваясь от веток. Мужчины не отставали... «Долго я так бежать не смогу», – билась в голове паническая мысль. Ноги дрожали и подкашивались... Пару раз споткнулась и ободрала локти, зацепившись за колючие ветки.

– Ола! Кнова фи, – что-то орали они мне...

Я не слушала. Паника еще толкала вперед, заставляя ноги передвигаться, но я уже чувствовала, что силы на исходе. Вдруг я вылетела из густого леса на большую поляну. В центре возвышался красивый ухоженный дом. Немного странный на вид, но я обрадовала ему как родному. Подлетела к

крыльцу и забарабанила в дверь.

– Откройте! Пожалуйста, впустите меня! – рыдала я.

Воздух хрипами вырывался из тяжело вздымающей груди. Оглянулась – мужчины так же выскочили на поляну. Я еще сильнее забарабанила в дверь. Слава Богу, она отворилась.

На пороге показалась миленькая совершенно седая старушка в широких разноцветных брюках и яркой хипповой жилетке... Я даже сразу не обратила внимания на необычную внешность женщины, раскосые глаза, удлиненный череп, немного непропорциональное тело, только умоляюще сложила руки и вскрикнула: «Помогите мне, бабушка... Они за мной гонятся». Старушка непонимающе уставилась на меня, пожевала губами, потом перевела взгляд на мужчин. Те уже подошли к дому.

– Киа ри? – произнесла она строго.

Я усиленно пыталась разобрать язык. Ни на один изучаемый мной в школе не похож...

– Ди, ола, – немного смущенно пролепетал один из мужчин, – винара ка, ола... Мит элана.

Я только стояла, тяжело дыша, прижав руку к выскакивающему сердцу. Мужчины после небольшого разговора бросили на меня странный сожалеющий взгляд, развернулись и потопали обратно в лес. Старушка кивнула внутрь дома: «Ари»... Я зашла, едва передвигая дрожащие конечности. После недавнего спринта по лесу ноги подкашивались, и я ухватилась за стену, чтобы не упасть. Женщина поддержала

меня на удивление сильной и твердой рукой, подвела к чему-то похожему на кушетку. Я упала на нее и закрыла веки.

– Спасибо, – прошептала я, – спасибо... Слезы опять заструились из глаз. Наконец, я добралась до цивилизации... Наконец, я у людей... Неимоверное облегчение и благодарность охватили меня.

Я выбралась

– У Вас есть телефон? – обернулась я к женщине.

Она непонимающе на меня взглянула... Я вытащила свой, показала пальцами перебор кнопок... Нет? Вращение диска... Нет? Поднесла руку к уху... Опять не поняла.

– Ти кува? – женщина показала рукой на рот.

Я увлеченно закивала. Это я понимаю. Есть хотелось ужасно. Она проводила меня на кухню (по крайней мере, я думаю, что эту комнату можно было так назвать). Поставила передо мной плоское блюдо с множеством маленьких тарталеток. Я кивнула с благодарностью. Сейчас мне не до того, чтобы привередничать, съем все... Тарталетки оказались крошечными бутербродами, со вкусом чего-то мясного, хлебного и овощного. Странная приправа будоражила рецепторы. Мне дали запить напитком в мягкой (изгибающейся?) емкости без крышки. Но мой мозг уже настолько отупел, что не воспринимал ничего странного. Ни чудного интерьера дома, ни экзотической внешности приютившей меня женщины, ни яркого необычного наряда на ней (на вид старушке было никак не меньше восьмидесяти).

Глаза стали слипаться. Женщина опять подхватила меня (я в очередной раз поразилась, какие сильные у нее руки, совершенно не старческие) и повела в какую-то комнату. Уже сквозь сон чувствовала, как меня раздевают, обрызги-

вают чем-то свежим и прохладным, обдувают (ветром?)... И я провалилась в сон.

* * *

Утро не добавило ясности. Айфон умер, часы показывали странное время – десять минут шестого... На вечер не похоже... Утра? Солнце сияло почти в зените... «Понятно, – вздохнула я, – часы тоже на свалку». Я находилась в постели совершенно раздетая, на краю кровати лежало что-то типа тонкого длинного балахона, опять яркой хипповой расцветки. «Что ж, – мысленно решила я, вставая и одеваясь, – пора разобраться во всей этой кутерьме». Сейчас, выпавшись, на ясную голову, я вспомнила все – и странный лес, и теплые деревья, и сияющие листья, и экзотическую внешность мужчин, женщины, что приютила меня... И иностранный язык, даже близко не похожий на распространенные языки Земли. Я старалась не паниковать, но получалось плохо. Сердце колотилось, внутри все мелко дрожало. Я балансировала на грани паники, боялась себе признаться и не озвучивать даже мысленно окончательный вердикт – где я оказалась.

Старушка уже поджидала меня в гостиной (прихожей?) – Ти мроир зак? – ласково улыбнулась мне.

Я перевела, как: «Ты хорошо спала?» и с (почти) искренней улыбкой кивнула и сказала: «Да, спасибо». Меня повели завтракать. Я осматривалась и тихонько сходила с ума,

погружаясь в отчаяние. Это не мой мир. Это не Москва, не Россия, и не даже не Земля... Все было другое. Чужое. Нет, даже не так. Чуждое, инородное. Испугало даже то, как женщина послала по воздуху в моем направлении тарелку с подобными вчерашним бутербродами. Я отшатнулась, но тарелка, пролетев по дуге около двух метров, четко приземлилась на стол передо мной.

После завтрака женщина повела меня за руку в другую комнату, усадила в кресло, села напротив и начала говорить. Чем дольше она говорила, тем сильнее и сильнее я впадала в отчаянье. Слезы потекли из глаз.

– Я ничего не понимаю! – всхлипнула я. – Простите, но куда я попала? Где я?! Что происходит?!

Я, уже не сдерживаясь, рыдала. Истерика, которую так тщательно загоняла глубоко внутрь, наконец, выбралась и поглотила меня целиком.

Старушка что-то сказала и погладила меня по руке. Добронулась до щеки, провела по скуле, очертила контур ушей... Я замерла, как испуганный зверек, и ничего не хотела понимать. Я дико, до ужаса, боялась заметить, что уши у женщины чуть вытянутые и прижаты к черепу, что глаза раскосы (причем не так, как у восточных народностей на моей планете, а красиво загнуты кончиками вверх, словно кошачьи), что брови абсолютно прямые, доходят почти до висков, а из тонких губ выступают небольшие треугольные клыки. Я не хотела впустить это знание внутрь, так как это значило,

что я потерялась навсегда. И я в другом мире.

* * *

Как и когда это случилось? Когда я упала в яму? Или когда рыдала о предательстве и проклинала свою несправедливую судьбу? Мысли путались, я еще цеплялась за призрачную надежду, что я ударилась головой и брежу. Возможно, сейчас лежу в больнице под капельницей и все происходящее – сон? Но нет. Прошел день, прошел второй, а я так и не «очнулась от бреда».

Несколько дней я рыдала в «своей» комнате. Ничего не ела и не разговаривала с приютившей меня женщиной. Только пила воду из странного сосуда с трубкой, регулярно появляющегося в нише, у двери. Старушка иногда заходила, гладила меня по голове, что-то успокоительно щебетала на своем языке и качала головой. Всепоглощающий страх, дикий, неконтролируемый, охватил меня всю, похоронив под собой слабые остатки разумных мыслей.

Только я вспоминала о папе и маме – слезы градом. Я была, как раненое животное, проклинала и шашлыки, и Пашку. Прошлась злыми словами по «добrote и участию» друзей и своей собственной дурости. В полнейшем отчаянии я даже молилась, с трудом вспоминая где-то прочитанные мимоходом молитвы. Но, увы, ничего не помогало. Я, как и раньше, просыпалась в светлой, просторной комнате с гладкими теп-

лыми стенами.

Наконец, слезы кончились. Голова гудела и пульсировала от боли. Однажды утром я встала с кровати с твердым решением – если я как-то сюда попала, значит, есть способ отсюда и выбраться. И я его найду! А для этого, как минимум, нужно найти в лесу ту яму, куда я угодила. Сама я это место не обнаружу, значит, мне нужна помощь.

Я вышла из комнаты и пошла искать хозяйку. Домик был небольшим. Одноэтажный коттедж, сложенный из желтого камня, размером на пять комнат, со странной крышей, на которой я заметила чудные приспособления, вроде флюгеров. Я нашла женщину на заднем дворе. Мне показалось, что старушка перебирала плоские, то ли металлические, то ли пластиковые пластины, складывала их рядами в отверстия решетки.

– Простите меня, – старушка обернулась и радостно улыбнулась мне, – научите меня своему языку? Для верности я показала на свой рот и махнула рукой вокруг. Потом ткнула себя в грудь и сказала: – Меня зовут Ульяна, а Вас?

Женщина чуть свела брови вместе и чирикнула:

– Илиана?

– Нет, – усмехнулась я, – Ульяна, можно Уля.

– Илья? – опять повторила она.

Я вздохнула и кивнула. Ладно, пусть будет Илья.

С этого момента я стала сознательно отсчитывать дни пребывания здесь. Женщину звали Вида. И она (бывает же та-

кое!) работала лесником, присматривая за местным лесом.

Только через три недели я начала более-менее объясняться. И первой же просьбой было показать мне лес.

– Я хочу вернуться домой, Вида, – часто говорила я женщине и она понятиливо кивала мне, – я обязана найти ту яму, в которую свалилась. Она – переход между мирами.

Вида отвечала, что лес тянется на десятки тысяч улит (один улит приблизительно тысячу шагов, как потом я посчитала), и откуда я пришла – неизвестно. Чтобы обойти его весь, потребуется много месяцев. Я ответила, что готова ждать и буду учиться. На том и порешили.

* * *

Виде было сто десять лет (по-здешнему дат). Правда, я пока еще не знала, какому количеству дней на этой планете равняется год, но судя потому, что сутки длятся почти столько же, сколько и на Земле, исчисление должно быть похоже.

Выглядела женщина отлично для своих лет. Была подвижна и энергичная. Тогда, когда она со мной не занималась, устраивала обход близлежащих участков леса (я всегда напрашивалась с ней), отмечала краской (что-то типа большого маркера) старые или больные деревья, они (объясняла мне она) предназначены для рубки. Я тщательно искала знакомую поляну, где я ночевала в первую ночь, или хотя бы пенок, где сидела – тщетно. То ли я была в таком неадеквате,

что ничего не запомнила, то ли, когда убегала от мужчин, слишком запутала следы... Но я не унывала. Сколько того леса! Всего-то сотня тысяч квадратных километров!

Кстати, через неделю после моего «выхода в свет» к дому Виды пришел один из тех мужчин, что меня преследовали. Я еще плохо понимала язык, поэтому в разговоре не участвовала. Спрятавшись в доме, с тревогой выглядывала в окно, прислушиваясь к незнакомому чириканью. Вида резко и грубо отвечала мужчине, тот, склонив голову, что-то бубнил, хлопая себя ладонью по груди. После тревожного для меня разговора мужчина, бросив пристальный взгляд на дом, нехотя развернулся и потопал в лес.

Когда женщина вошла в дом, я перепугано спросила, что он хотел? То ли я не поняла, то ли Вида пошутила, но, по моему, я расслышала: «Тебя». Я еще неуверенно себя чувствовала, периодически впадала в истерику и беспрерывно рыдала, так, что глаза тут же набухли слезами...

Вида ласково погладила меня по щеке.

– Не бойся, – произнесла она, тщательно выговаривая слова, – Бивар ничего тебе не сделает. Он просил иногда приходить в гости. Они не хотели тебя испугать, только познакомиться... И мне показалось, или она добавила слово «Охаживать? Обхаживать или ухаживать?» Я еще плохо знала язык и испугалась.

Меня окружал абсолютно непонятный новый мир, я была оторвана от привычной жизни, от родителей, от друзей.

Ощущение потерянности, безысходности, откровенной чужеродности всего, что меня окружает, ужасало. Я впадала в истерику быстро, даже не нужно было серьезного повода. Жутко трусила и пугалась собственной тени. Тем паче незнакомого настойчивого мужчину. Но зато после очередного его прихода, видя мое паникерское состояние, старушка выделила мне из своих запасов темную плотную косынку и показала, как завязывать, чтобы прикрывать уши и часть скул.

– Ты не похожа на нас, – произнесла Вида, – будет лучше, если ты пока будешь прятаться.

Я с радостью согласилась. Прятаться – то основное действие, которое стало для меня актуальным на долгое время. Косынка очень помогла. Впоследствии я стала ее завязывать на манер древнерусских крестьянок. Полностью скрывая лоб, виски, скулы, оставляя открытым маленький треугольник на лице. Тяжелый узел длинных волос, забранных вверх, немного удлинил мой череп, сделав его похожим на местных. Я превратилась в пугливого, робкого мышонка, ходила за Видой, как привязанная, боясь отойти даже на пару шагов. Она стала для меня всем в этом мире – наставницей, подругой, кормилицей, защитницей.

Наши прогулки по лесу частенько превращались в лекции. Я рассказывала о своем мире, она о своем. Сначала меня интересовали теплые деревья и светящиеся листья. Потом, плита без огня, освещение дома без светильников, потом летающие предметы и много другого... Постепенно,

день за днем, неделя, за неделей, я начала приобретать необходимые знания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.